

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 17 (349)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Сентября 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Исторические дни.
К итало-абиссинскому конфликту.

Единый фронт французского и английского социализма.

Ф. Дан. Пути раскрепощения.

И. Греков. Американский протест.

С. Шварц. Где-же выход?

Интернационал и война (к международной дискуссии): П. Гарви. Военная политика Интернационала? — Г. Н. Брайльсфорд. — Леон Блюм. — «Юманитэ».

Б. Сапир. О пути к власти (окончание).

В Рабочем Социалистическом Интернационале: Сессия Исполкома РСИ (окончание). — Лео Винтер (некролог).

По России: «Социалистический Вестник» в СССР.

Из партии: М. Ф. Назарьев (некролог).

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ

Когда этот номер увидит свет, быть может, уже определится та линия поведения, которую примет в итало-абиссинском конфликте Лига Наций, Совет которой заседал в дни, когда пишутся эти строки. И каковы бы ни были решения Лиги, ее нынешняя сессия будет иметь поистине исторический характер, ибо ею отмечается начало новой главы в послевоенной истории Европы и всего мира, а вместе с тем и в истории самой Лиги Наций.

С самого начала своего существования Лига Наций была на деле организацией, посредством которой державы-победительницы европейского континента старались увековечить межгосударственный порядок, созданный продиктованным ими насильственным миром. Свокорыстие капиталистической буржуазии, не встречавшее достаточно энергичного и последовательного противодействия со стороны обескровленного войною и обессиленного послевоенной экономической неурядицей и расколом пролетарского движения, позаботилось о том, чтобы фактически снять с порядка дня Лиги формально предусмотренную ее уставом «ревизию» созданного насильственными мирными договорами положения и превратить ее в орудие «насыщенных» результатами войны и потому консервативных «охранителей мира» в рамках, этими договорами установленных, но в самих себе заключавших зародыши новых неизбежных конфликтов и новых военных столкновений. Этот характер Лиги стал особенно очевиден после выхода из ее состава Японии, с одной стороны, Германии, с другой. И ныне,

напр., в передовой, подписанной Пьером Дюпюи, политическим директором влиятельной и связанной с министерством иностранных дел французской газеты «Пти Паризьен» (3 сентября), можно прочесть следующие откровенные строки:

«Сохранение, сплочение и укрепление группировки держав, удовлетворенных своими границами в Европе, — такова, если не цель Л. Н., то, по крайней мере основное орудие ее успешного вмешательства в европейские дела. Все остальное — юридическая условность, вопрос протокольных форм...»

Но и за выходом Японии и Германии в Лиге Наций остались все-же державы, достаточно «насыщенными» себя не чувствующие. И если с маленькой Венгрией можно не считаться, то с Италией, необходимой для сохранения существующих «границ в Европе», считаться приходится. И отсюда развиваемый Дюпюи план: примирить Италию с европейским статус-кво, «насытив» ее колониальные аппетиты, отдав ей Абиссинию, что, по мнению Дюпюи, цинизм которого доходит тут до грании, соответствует и высшей «справедливости», ибо итальянская оккупация не только осчастливит абиссинский народ, выведя его из варварских условий существования, но и самого негуса облагодетельствует, создав для него положение, однородное с тем, какое создали французы для марокканского султана!

Но, хороший с точки зрения французской капиталистической буржуазии, и европейские, и колониальные

аппетиты которой одинаково насыщены, этот счет совершенно неудовлетворителен с точки зрения буржуазии английской. Британская империя представляет собою сейчас гигантский, мировой блок, пронизанный противоречиями и потому, несмотря на свою видимую мощь, мало устойчивый. За сохранение этого блока приходится непрерывно бороться; развитие авиации и военных флотов других держав подорвало то монопольное «господство Британии над морями», которое прежде обеспечивало неприкосновенность британской империи; не только нарушение европейского равновесия, но и нарушение равновесия колониального может взорвать ее; оккупация Абиссинии Италией была бы угрозой не только африканским колониальным интересам Англии, прежде всего — в Судане и Египте, но и кратчайшему пути ее в Индию, эту «жемчужину британской короны», идущему через Суэцкий канал и Красное море. Вот почему Англия готова «насытить» Италию всякими экономическими уступками в Африке, и даже не только за счет Абиссинии, но и за свой собственный счет, но не может и никогда не сможет добровольно помириться с ее политическим главенством в стране «царя царей». И вот почему на абиссинском вопросе прошла глубокая трещина между двумя максимально «насыщенными» войною державами, Англией и Францией, тесное сотрудничество которых составляет самую основу существования Л. Н. в ее нынешнем виде, расхождение которых нанесет ей смертельный удар.

Но если Англия не может встать на точку зрения Франции, то и Франция, поставленная меж двух огней, английского и итальянского, не может целиком солидаризоваться с Англией, ибо даже при формальном сохранении Лиги Наций, фактический взрыв ее, путем-ли объявления Англией своей «незаинтересованности» в делах европейского континента, путем-ли ухода Италии из женеvского арэопага, одинаково ставит на очередь вопрос о «границах в Европе», т. е. одинаково колеблет все основы послевоенного существования Франции и создает для нее непосредственную военную опасность со стороны Германии. Италия-же или, говоря точнее, итальянский фашизм никакими экономическими уступками удовлетворен быть не может, ибо отнюдь не чистая «экономика» толкает его на абиссинскую авантюру.

Конечно, в империалистических стремлениях капиталистической буржуазии по-прежнему играют выдающуюся роль ее экономические интересы. Но характерную печать на всю нашу эпоху теряющего жизнеспособность капитализма, а вместе с тем и на все возможные грядущие войны этой эпохи, накладывает тот факт, что, наряду с непосредственными экономическими интересами господствующих классов и все больше «перекрывая» эти интересы, источником их «империализма» становятся непримиримые и все обостряющиеся социальные антагонизмы, ставящие под вопрос самые основы господства этих классов. И вполне естественно, что факт этот с особой силой и очевидностью проявляется именно в тех странах, где острая борьба за сохранение своего господства уже принудила господствующие классы осуществлять его в варварских формах фашизма.

По мере утверждения фашизма во власти, «все очевиднее будет становиться банкротство фашистского движения, как способа вооруженной рукой разрубить тот Гордиев узел экономических и социальных противоречий, который капиталистической буржуазии не удается развязать ее обычными средствами политического и экономического господства... Капиталистический мир задыхается», писал «С. В.» в ноябре 1922 года в передовице, посвященной победе фашизма в Италии. Теперь,

после 13 лет убийств, мордобоя, громких фраз и фигурных поз, Муссолини стоит лицом к лицу с этим банкротством. Он хорошо знает, что никакие колониальные концессии и льготы не спасут его от этого банкротства и за десятки лет не поглотят того «избыточного населения», для которого нужна якобы империалистическая экспансия. Он знает, что этого спасения не даст ему и завоевание Абиссинии. Но ему нужна не Абиссиния, ему нужна война; и если он ее ареной выбирает сейчас безводные, жаркие пустыни Абиссинии, а не Европу, то только потому, что считает это для себя более безопасным. Ибо война — это, пусть временная, «конъюнктура» для промышленности. Это — новый феерверк парадов, напыщенных фраз, флагов, музыки, всего военного дурмана, способного хоть на время «отвлечь внимание» народных масс от их страданий и опьянить их «патриотическим» иступлением. И, главное, — это верный способ «поглотить» то беспокойное «избыточное население» или, говоря по-просту, ту безработную молодежь, рост которой является одновременно и симптомом фашистского банкротства, и угрозой самому существованию фашистского режима. Сотни тысяч молодых жизней должны быть принесены в жертву пулям, ядовитым газам, голоду, жажде, тропическим болезням, чтобы фашизм мог сохранить власть в своих руках. Муссолини хорошо знает, что отправляет итальянских солдат не в легкую военную прогулку, что завоевание Абиссинии будет длиться годы. Тем лучше! Тем дольше, думает он, будет длиться военный дурман. Он знает, что эта карта его может быть бита, что именно на военной авантюре он может сломить себе шею. Что-же? После Абиссинии можно поджечь Европу, после Европы весь мир, — лишь бы на день, на час отсрочить свою гибель, лишь бы иметь хоть какие-либо «шансы» пережить банкротство!

Что-же может сделать в этих условиях Лига Наций? Она может сплотиться вокруг английского правительства и недвусмысленно поставить фашистского поджигателя перед угрозой «санкций». Раздираемой антагонизмом интересов и конкуренцией капиталистической буржуазии различных стран будет трудно столковаться насчет этих санкций, тем более, что столь мощные отряды ее, как американский, германский и японский, стоят вне Лиги и не связаны ее постановлениями. Но если перед разверзающеюся пропастью ей все-же удастся столковаться, то это будет хоть каким-то шансом, если не на длительное сохранение мира, то хоть на отсрочку мировой военной катастрофы. Опасности войны политика санкций отнюдь не исключает: даже председатель конгресса абсолютно пацифистски настроенных английских профсоюзов вынужден был признать это в своей речи. Зарвавшемуся и зашедшему в тупик Муссолини вряд-ли в этом случае останется что иное, как выступить из Лиги Наций и вопреки ей начать свой Абиссинский поход. Но опять-таки лишь при единодушном соглашении членов Лиги Наций на политике санкций может быть хоть какая-либо надежда на локализацию войны, на превращение ее в своего рода карательную экспедицию против поджигателя, если не на предотвращение, то хоть на значительную отсрочку перерастания ее в войну мировую.

Но Лига Наций может пойти и другим путем. Она может прибегнуть к столь восхваляемой органами французской крупно-капиталистической печати «гибкой процедуре», которая сводится к принятию каучуковых формул и резолюций, сохраняющих «лицо» пакта, но на деле предоставляющих Муссолини полную свободу действий, как ему уже предоставила эту свободу «гибкая» формула, принятая Советом Л. Н. месяц тому назад. Но этот путь прямо и непосредственно ведет к мировой катастрофе. Он не только поставит на

ноги все «цветные» и колониальные народы, которым будет продемонстрировано одновременно и бессилие «великих держав», и их собственная незащищенность перед любым хищником. Он немедленно выдвинет на авансцену Германию, империализм которой имеет те-же корни, что и империализм фашистской Италии, и не оставит «насыщенным» державам другого выхода, как развязать обще-европейскую, а затем и мировую войну или — попытаться и германский фашизм «насытить», но уже за счет не Абиссинии, а Советского Союза, что, в конечном счете, также немисливо без мирового пожара.

Как видим, в распоряжении капиталистических правительств нашей эпохи задыхающегося капитализма, правительств, опутанных к тому-же всеми последствиями ими-же продиктованного насильственного мира, нет уже таких средств охранения мира, которые не заключали бы в себе источника новых военных опасностей. Ибо они не хотят, не могут и никогда не смогут прибегнуть к тому единственному средству подлинного охранения мира, которое заключается в низвержении и фашизма. Не могут и никогда не смогут, потому что хорошо сознают, что низвержение фашизма немисливо без развязывания революционной энергии социалистических пролетарских масс, в подавлении которых заключается весь смысл фашизма; хорошо сознают, что революционное низвержение фашизма было бы смертельным ударом по капитализму вообще. «Сейчас важнее всего охранять престиж фашистского режима», пишет французская капиталистическая газета «Энформасион». Но охранять фашистский режим — это и значит охранять зажженный факел возле пороховой бочки, на которой расположен чахлый мир. Капиталистические правительства неспособны действительно обеспечить мир, потому что не хотят и не могут вырвать с корнем действительные причины военной опасности, не хотят и не могут содействовать низвержению фашизма тем единственным методом, каким он действительно может быть низвергнут — методом социалистической рабочей революции.

Но чувства величайшей тревоги вызывает и поведение советского правительства на международной арене. Все попытки Леона Блюма вызвать советское правительство на активное выступление в итало-абиссинском конфликте встретили лишь сконфуженную реплику Марселя Кашена во французской «Юманите», что, так как-де всем известно миролюбие советского правительства, то не наше дело диктовать ему какую-либо линию поведения. Советская печать не коснулась статей Блюма ни единым словом. Она время от времени помещает информационные и аналитические статьи, посвященные итало-абиссинскому конфликту, но тщательно избегает хоть намека на позицию, которую намерено занять советское правительство в этом конфликте. Сам конгресс Коминтерна обнаружил в этом вопросе «сдержанность», которой, к счастью, не последовал Социалистический Интернационал. Но быть за мир «вообще» — это более, чем мало, в те исторические дни, которые переживает ныне Европа и весь мир. Мы не знаем, как выступит и что будет делать советская делегация на нынешней сессии Лиги Наций. Но мы знаем, что трудно представить себе нечто более жалкое, чем поведение Литвинова на предшествующей сессии Совета Лиги, которого он был председателем: ни одним словом он не отгородил себя от тех, которые давали Муссолини месячную отсрочку для завершения военных приготовлений. И мы знаем, что и сейчас советское правительство продолжает поставку ячменя, нужного для корма отправляемым в Абиссинию итальянским мулам, и нефти, необходимой для фашистского военного флота. Конечно, оно делает это в силу заключенных ранее контрактов. Но до-

статочно представить себе, какой громовой отклик в пролетариате Италии и всего мира имело бы в данном случае нарушение советским правительством «свято-сти» контрактов, хотя бы и ценою уплаты полагающейся неустойки, и каким гигантским подъемом революционной энергии рабочих масс в борьбе против фашизма и тем самым против войны отозвалось бы оно во всех странах без исключения, чтобы понять, какое могучее орудие борьбы за мир выпускает из своих рук советское правительство и в какой опасной степени уже связана его политика его капиталистическими союзниками*).

Социалистическому пролетариату, разбитому в ряде стран и еще недостаточно сильному сегодня, чтобы взять власть в свои руки в других, не остается сейчас ничего иного, как поддерживать попытки хотя бы отсрочить войну, т. е. поддерживать политику «санкций». Но морально-политическое право на такую поддержку он имеет лишь постольку, поскольку и самому себе и другим не оставляет ни малейшего сомнения насчет паллиативного и военно-опасного характера этой политики; поскольку сам, со своей стороны, мобилизует все свои силы для нанесения ударов фашизму всеми теми средствами, которые дает ему в руки его роль в производстве и транспорте; поскольку и всю нынешнюю предвоенную обстановку, и все возможные военные конфликты использует для того, чтобы сплотить вокруг себя все трудящиеся массы, подготовить свой приход к власти и через власть к социализму, который ликвидирует не только послевоенные добавочные очаги военной опасности, но и самый источник этой опасности — переживший себя капитализм.

Надо ясно сказать себе: мир переживает действительно исторические дни, которые требуют великих, исторических решений, если цивилизованному человечеству не суждено погибнуть в крови и варварстве.

К ИТАЛО-АБИССИНСКОМУ КОНФЛИКТУ.

26 августа состоялось в Париже заседание объединенной комиссии Международной Федерации Профсоюзов и Рабочего Социалистического Интернационала, посвященное итало-абиссинскому конфликту. Комиссия подтвердила постановление, уже принятые обоими Интернационалами, в особенности постановления об обязанности Лиги Наций добиться точного соблюдения пакта и других договоров, обеспечивающих мир, и применить все санкции против Италии, по единодушному мнению всего мира играющей в данном конфликте роль нападающего.

Объединенная комиссия постановила еще раз обратиться ко всем аффилированным профессиональным и политическим организациям с призывом усилить свою активность и организовать во всех странах еще до начала заседаний Совета Л. Н. массовые манифестации. Объединенная комиссия постановила далее созвать на 5-6 сентября Комитет МФПС и Исполком РСИ на чрезвычайную сессию для обсуждения различных проектов выступления, поступивших в заседание комиссии 26 августа для детального изучения.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА.

В «Попюлер» от 5 сентября напечатано следующее сообщение:

Уполномоченные представители английской Рабочей и французской Социалистической партий встретились в Париже для обсуждения международного положения, созданного итало-абиссинским конфликтом. Обмен мнений позволил констатировать, что обе партии вполне единодушны:

а) в признании явно-агрессивного характера завоевательной войны, которую фашистская Италия собирается начать против Абиссинии, и сознательно-провокационного поведения главы итальянского правительства, Муссолини, по отношению ко всей Лиге Наций;

б) в признании чрезвычайной опасности для всего европейского мира этого нападения великой державы, постоянно члена Совета Л. Н., на малую державу, состоящую членом Лиги;

*) Ко времени выхода этого номера в свет Литвинов успел высказаться в Совете Л. Н. за политику «санкций».

в) в признании необходимости настаивать на соблюдении основных принципов пакта, 16 статья которого говорит, что член Л. Н., «прибегающий к войне вопреки обязательствам, указанным в ст. 12, 13 и 15, тем самым рассматривается, как объявивший войну всем другим членам Л. Н.»;

г) в признании, что особая ответственность падает в этом случае на великие европейские державы, состоящие членами Л. Н.: Францию, Англию и Советский Союз;

д) в признании первостепенной важности тесного сотрудничества между лондонским и парижским правительствами в интересах охранения законов мира, начертанных в пакте Л. Н.;

е) в признании пагубных последствий, какие имело бы для сохранения мира всякое уклонение парижского и лондонского правительства от обязанности защищать авторитет Л. Н. и требовать применения пакта;

ж) в признании того неоспоримого факта, что итало-абис-

синский конфликт ставит в порядок дня всю проблему коллективной безопасности, организация которой возможна лишь на основе признания мира единым и неделимым;

з) в признании необходимости обеспечить на будущее время во всех случаях без исключения уважение к нормам коллективной безопасности путем применения санкций и взаимной помощи против всякого государства, повинного в нарушении взятых им на себя обязательств или прибегающего к наступательной войне.

На основе этого соглашения, английская Рабочая и французская Социалистическая партии, уверенные в поддержке представляемого ими рабочего класса, постановили организовать в своих странах широкую кампанию в целях разъяснения общественному мнению действительного значения итало-абиссинского конфликта и побуждения своих правительств ставить, в интересах мира, защиту Лиги Наций и пакта выше всех других соображений.

ПУТИ РАСКРЕПОЩЕНИЯ

В статье «Конгресс Коминтерна и рабочее единство» («С. В.», № 16) я пытался показать, почему практический приступ к осуществлению международного единства действий, а тем более организационного единства рабочего движения, профессионального-ли или политического, неизбежно поставит интернациональный пролетарский мир лицом к лицу с «советской проблемой» — пока не как с проблемой общей политики советского правительства и его диктаторски-террористических методов управления, а лишь как с проблемой советского рабочего движения и советской рабочей организации. В дальнейшем мысль международного пролетариата, конечно, подойдет вплотную и к пониманию той связи, которая существует между характером советской рабочей организации и общей политикой большевистской диктатуры, общим строем взаимоотношений между нею и классовым рабочим движением вообще. Но это — дело будущего. Сегодня общая политика большевистской диктатуры неизбежно должна представляться сознанию широких масс организованного международного пролетариата таким-же «внутренним» делом советской страны и советского рабочего класса, как общая политика любого правительства, возглавляемого социалдемократами или включающего их в свой состав.

Мы, русские социалдемократы, совершили бы величайшую ошибку, если бы захотели именно в этом случае форсировать события и так или в такой форме выдвигать общеполитические советские вопросы, чтобы создать в широких массах организованного международного пролетариата впечатление, будто разрешение этих вопросов в нашем духе мы считаем предварительным условием «единого фронта» или организационного единства. Этим мы лишь породили бы совершенно ложное и пагубное не только для нас самих, но и для всего международного пролетарского движения представление, будто интересы русской социалдемократии в чем-то расходятся с интересами этого движения, будто наша партия является «препятствием» для осуществления пролетарского единства и будто через нее надо «перешагнуть», чтобы разрешить задачу рабочего объединения в борьбе против фашизма и войны, повелительно поставленную ходом событий в порядок дня. Мы должны отчетливо сознавать: на данной стадии продвижения международного организационного пролетариата к исторически необходимому единству «советская проблема» встает перед ним практически, т. е. как проблема его собственного движения, не в обще-политическом разрезе, а лишь в разрезе советского рабочего движения и советской рабочей организации.

Этим сознанием должен определяться весь характер нашего практического участия в разрешении

вопросов международного пролетарского единства. Но оно, разумеется, не снимает с нас обязанности в своей пропагандистской, устной и печатной, работе на международной арене критически освещать со своей, пролетарски-социалистической точки зрения все экономические, социальные и политические процессы, протекающие в советской стране, равно как и общую эволюцию, прелельваемую большевистской диктатурой на основе этих процессов. И еще менее освобождает оно нас от обязанности и необходимости самим себе отдавать отчет в смысле и значении тех путей, какими может быть осуществлено раскрепощение советской рабочей организации, которое неизбежно — если не накануне, то на следующий день после формального объединения — встанет перед сознанием организованного международного пролетариата, как его собственная жгучая проблема.

Два пути могут вести к такому раскрепощению.

Первый путь — это путь такого же последовательного «дистанцирования» советского правительства от советского рабочего движения, какое оно начинает сейчас практиковать по отношению к рабочему движению международному. И сохраняя свой диктаторски-террористический характер, советское правительство может ослабить, а то и совершенно порвать формальные узы, привязывающие профессиональные союзы к нему и совершенно явно делающие их простым орудием бюрократического управления массами наемных рабочих и служащих. Оно может провозгласить «действительную выборность» правлений профсоюзов, как провозгласило выборность правлений колхозов. Может объявить добровольность членства в профсоюзах, т. е. при приеме на работу или службу не требовать обязательно наличия профсоюзной карточки. Может, наконец, запретить партийным ячейкам вмешательство в дела профсоюзов, как оно запретило им вмешательство в дела хозяйственников. Советское правительство может пойти и дальше. Оно может распространить метод «дистанцирования» и на ту политическую организацию рабочего класса, которая одна только пользуется монополией легального существования — на компартию и ее подсобное учреждение, комсомол. Оно может запретить формальное вмешательство партийных инстанций в государственное законодательство и управление, провести грань между государственным и советскими учреждениями и функциями и партийными, перестать издавать законы и декреты от имени ЦК ВКП, превратить формально-юридически Союзный и Республиканские ЦИК'и, местные советы и их президиумы в единственные органы управления страной

и т. д. В целом ряде мероприятий последнего времени, начиная от запрещения партийным ячейкам вмешиваться в «оперативные» функции государственно-административных и хозяйственных учреждений и перевода комсомола с «политических» рельс на «воспитательные» и кончая постепенным закреплением важнейших позиций в советском аппарате за самыми видными членами ЦК — от Жданова и Кагановича и вплоть до самого Сталина — можно видеть, если не начало такого развития, то, по меньшей мере, нарек на его возможность.

Само собою разумеется, что на путь такого «дистанцирования» от внутри-советских рабочих организаций диктаторско-террористическое правительство еще в большей мере, чем на путь «дистанцирования» от международного пролетарского движения, захочет вступить лишь под давлением необходимости, создаваемой для него всей внутренней и внешне-политической обстановкой, принудительно навязывающей ему политику «единого фронта». И само собою разумеется, что внутри страны оно еще больше, чем на международной арене, будет стараться лишь себя освободить от неудобств, создаваемых для него слишком очевидною связью с классовым рабочим движением, а отнюдь не раскрепостить это движение от своего командования над ним. Оно будет пытаться создать лишь видимость раскрепощения профессиональных и политических организаций рабочего класса, сохраняя на деле возможность распоряжаться им по своему произволу. Вряд ли надо доказывать, как велика эта возможность для диктаторско-террористического правительства, державшего к тому же в своих руках всю хозяйственную жизнь страны и, следовательно, условия материального существования всех граждан без исключения. Да и судьбы неоднократно провозглашенной «революционной законности», как впрочем, и колхозной «выборности», достаточно красноречивы в этом отношении!

Однако, события имеют свою логику, независимую от хитрых расчетов тех или иных политических стратегов. Ибо и внутри страны, как и на международной арене, помимо «вождей», занимающих историческую авансцену, имеются массы, зачастую заслоняемые их широкими спинами и молчаливые, но фактически «делающие» историю. Из слов, произносимых вождями, быть может, лишь для сокрытия своих действительных мыслей, из мероприятий, рассчитанных, быть может, лишь на «видимость», массы делают свои выводы, не совпадающие с намерениями вождей. «Всякая политика, сказал как-то Столыпин в Государственной Думе, имеет свои неустрашимые последствия», и последствия эти отнюдь не всегда соответствуют желаниям и расчетам инициаторов данной политики. Свои «последствия» имела бы и политика «дистанцирования» большевистской диктатуры от международного и внутри-советского рабочего движения. И притом — последствия на обоих полюсах: на рабочем и на диктаторском.

При сохранении общего диктаторско-террористического режима, и формально раскрепощенные профсоюзы ни в коем случае не смогут стать действительными органами самозащиты рабочего класса и его борьбы за свои интересы. Но именно поэтому одной формальной отмены принудительного пребывания в них, связанного с уплатой членских взносов, окажется недостаточным, чтобы, с одной стороны, вызвать повальное бегство из них рабочих и служащих, превращающихся при этом в лишенную всяких признаков организованности, распыленную и потому бессильную массу, а, с другой, — сделать для более активного меньшинства единственным стимулом дальнейшего пребывания в профсоюзах попытку и надежду превратить их в центр сплочения для самой жестокой борьбы с правительством за их подлинное, а не мнимое лишь раскрепощение. Однородные про-

цессы будут неизбежно развиваться и в формально раскрепощенной политической организации. Политика «дистанцирования» советского правительства от рабочего движения привела бы поэтому, в конечном счете, к решительному разрыву и борьбе рабочего движения с вышедшим из революции правительством. Ее последствием оказалось бы распыление и ослабление рабочего класса, утеря им последних государственных позиций, завоеванных им в революции, и подрыв жизненных сил самой революции.

И этот подрыв оказался бы тем более опасным, что и для самой эволюции большевистской диктатуры разрыв между нею и рабочим классом не прошел бы бесследно. Он побудил бы ее еще в большей мере, чем это имеет место уже сейчас, искать другой, не-пролетарской социальной опоры, и найти эту опору она могла бы лишь в тех слоях, которые вместе с нею готовы будут бороться против рабочей «требовательности»: в тех кругах высшей гражданской и военной бюрократии, руководителей хозяйства, выделяющихся из общей колхозной массы и сливающихся с бюрократией «зажиточных» и «знатных» крестьян, для которых основной задачей является защита приобретенного ими в ходе революции привилегированного материального и социального положения. Но такой ход развития, вряд ли возможный без «дворцовых переворотов» и новых потрясений, означал бы не что иное, как гигантский шаг вперед к перерождению большевистской диктатуры, так или иначе и до сих пор идеологически и органически не порвавшей еще нитей, связывающих ее с советским и международным пролетариатом, в открыто контр-революционную диктатуру бюрократско-фашистского типа.

Незачем напоминать, насколько благоприятствует именно такому ходу развития та «предвоенная» обстановка, в которой уже сейчас, вместе со всем миром, живет Советский Союз, и насколько еще опаснее в этом смысле была бы обстановка «военная». И незачем еще раз настаивать на том, какую катастрофою для русской революции, для русского и международного пролетариата был бы такой финал большевистской диктатуры.

Вот почему метод раскрепощения советского рабочего движения путем прогрессивного «дистанцирования» советского правительства от этого движения, несмотря на кажущуюся безобидность и даже заманчивость этого пути, ни в коем случае не может и не должен встречать поддержку со стороны русской социалдемократии и международного пролетариата. Весь пролетариат, и советский, и международный, кровно заинтересован в том, чтобы подлинное раскрепощение советского рабочего движения и советских рабочих организаций совершалось другим путем: не путем окончательного разрыва связи между правительством, вышедшим из революции, и трудящимися массами, а, наоборот, превращением этого правительства в подлинное правительство трудящихся, ими свободное и ими контролируемое.

Не формальное и неизбежно лишь мнимое раскрепощение советских рабочих организаций при сохранении в неприкосновенности террористически-диктаторского режима, а лишь последовательная ликвидация этого режима, его демократизация, опирающаяся в первую голову именно на свободу политического самоопределения, организации и самостоятельности трудящихся, — таков и только таков путь, который ведет к разрешению выдвинутой борьбой за рабочее единство проблемы в духе, отвечающем интересам русской революции, советского и международного пролетариата. Политическая программа российской социалдемократии еще раз оправдывает себя не только с советско-рабочей, но и с международно-рабочей точки

зрения. Она еще раз свидетельствует свой подлинный и интернационализм. И в этом порука, что в дальнейшем ходе борьбы за восстановление международного пролетарского единства она рано или поздно станет программой всего международного рабочего класса в его отношении к «советской проблеме» во всей ее полноте.

Ф. Дан.

Американский протест

25 августа посол С. Ш. в Москве вручил Крестинскому ноту протеста против «вмешательства во внутренние дела», усмотренного правительством С. Ш. в резолюциях 7 конгресса Коминтерна и в речах, произносившихся на этом конгрессе, в частности, в речах американских делегатов. Советская печать не сочла нужным ознакомить население Советского Союза с текстом этой ноты, ограничившись кратким изложением ее и ответа Крестинского в «сообщении Тасса» (28 августа), и в дальнейшем — пока, по крайней мере, — не посвятила всему эпизоду ни единой строчки. А между тем, по сообщениям заграничной печати, и кое-какие другие государства — называют Англию, Японию и т. д. — уже сделали или собираются сделать свои «представления» все по тому же поводу.

Читая текст американской ноты, с трудом веришь, что американская дипломатия всерьез выдвигает свои аргументы. Если тот факт, что американские граждане-коммунисты произносят в Москве речи, которые они вполне свободно, в силу законов Северо-Американской республики, могли бы произнести в Нью-Йорке, равносителен вмешательству советского правительства во внутренние дела С. Ш.; если вообще всякое слово о политике какого-либо государства или о намерении воздействовать на эту политику, произнесенное на территории другого государства, а тем паче гражданами критикуемого государства, есть незаконное «вмешательство»; — то тогда конец всякому идейному общению между людьми, отделенными друг от друга пограничным рвом. Тогда нельзя созывать никаких международных конгрессов, — даже антропологов, которые своими неуместными рассуждениями о расовой теории могут «вмешаться» в разбойную политику Гитлера, даже зоологов, ибо запрещение дарвинизма стало тоже «внутренним делом» какого-то из американских штатов! Тогда надо похерить «инострannую» рубрику во всей мировой печати. И тогда нечего уже и говорить о праве убежища для политических эмигрантов: им всем надо надеть замок на рот. Только подлинным политическим кретинизмом, рожденным неумной злобой, можно обяснить ту радостную свистопляску, которой предались чуть не все поголовно органы русской эмигрантской печати по поводу американского «шага»!

Правда, американская нота ссылается не только на якобы допущенное советским правительством нарушение обязательства «не вмешиваться во внутренние дела» С. Ш., но еще на нарушение им обязательства «не позволять на своей территории образования или пребывания организаций, групп или представителей групп, имеющих целью низвержение, подготовку низвержения или насильственное изменение политического и социального порядка» в С. Ш. Можно пожалеть, что советское правительство подписало такое обязательство. Ибо и в своем точном смысле — в смысле обязательства не допускать на территории Советского Союза партий, непосредственно ведущих революционную борьбу с правительством того или другого государства, оно слишком попахивает временами Меттерниховского «Священ-

ного Союза» против демократов и «демагогов». Еще перед войной какому цивилизованному, демократическому государству пришло бы в голову запрещать деятельность русских социалистических партий, непосредственно подготовлявших революционное низвержение царской монархии? Сами большевики не подготовляли ли его во Франции, Швейцарии, Англии и т. д.? И если они теперь обязуются не терпеть «у себя» того, что сами делали «у других», то это одно уже свидетельствует о колоссальной «приспособляемости» их внешней политики ко всяким, самым реакционным требованиям капиталистических правительств, в которых они в данное время нуждаются.

Но что сказать о «расширительном» толковании этого обязательства, превращающем в «подготовку к низвержению» не какие-либо конкретные действия (формирование и отправку вооруженных повстанческих и террористических отрядов и т. п.), а речи и резолюции, намечающие общие перспективы развития в других странах и общие линии поведения тех или других партий? Так толковать данное обязательство значит опять-таки ставить крест на всяком праве убежища, на всякой деятельности политической эмиграции. И еще раз: какой степенью политического кретинизма должна быть поражена именно та часть русской эмиграции, которая походя зовет к «активизму», проповедует терроризм и повстанчество, записывает в свой актив всякий террористический и «диверсионный» акт, зовет своих последователей к участию в японской армии в случае нападения ее на Советский Союз и т. д., — чтобы «скакать и играть» по случаю попытки американского правительства ввести в межгосударственный обиход нормы, которые, прежде всего, сделали бы невозможной какую бы то ни было деятельность именно этого эмигрантского лагеря?

Между тем, если есть в позиции советского правительства слабое место, то оно как раз в том и заключается, что само это правительство права убежища не признает. Конечно, правительства всех стран, признающих это право, делают из него более или менее произвольные исключения по соображениям своей внутренней и внешней политики. Но то именно — и сключени я. И во Франции, и в Англии, и в Скандинавских странах политическая эмиграция представляет собою все же многоцветную радугу доктрин и направлений, ни за одно из которых правительство страны, приютившей эмиграцию, не отвечает. В Советском Союзе и на право убежища существует монополия. Этим правом (имеющим смысл лишь как право на политическую деятельность!) пользуются лишь эмигранты-коммунисты, даже еще уже — лишь эмигранты-«сталинцы», эмигранты, готовые во всем следовать «указаниям» всемогущего советского диктатора. Но тем самым диктатор этот и возглавляемое им правительство как бы принимают на себя политическую ответственность за этих иностранцев на советской земле, сколько бы они ни уверяли, что за Коминтерн они формально не отвечают.

Вот этим слабым местом большевистской позиции и воспользовалось правительство С. Ш., как завтра, быть может, воспользуются правительства других стран. Вряд ли можно видеть в ноте С. Ш. симптом перемены международной ориентации их или даже пролог нового разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом. Но, что в ней несомненно можно увидеть, так это продиктованную внутренне-политическими соображениями попытку воспользоваться слабым местом советского правительства, чтобы унижить его, подорвать его престиж, продемонстрировать его зависимость от его капиталистических союзников и вытекающую отсюда для него необходимость быть «покладистым» и на самый

грубый окрик отвечать — замалчиванием этого окрика перед советскими гражданами и дипломатическими увертками. И этот маленький эпизод напоминает о том, что диктаторски - террористический режим партийной монополии, чем дальше, тем больше становится источником внутренней- и внешне-политической слабости правительства революционной страны.

И. Греков.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОДЪ?

Что жизненный уровень громадного большинства рабочих в Советском Союзе очень низок, достаточно известно, и мне несчетное количество раз приходилось иллюстрировать это фактами на страницах «Социалистического Вестника». Правда, официальная советская доктрина отрицает это крайне неудобное для нее положение и, аргументируя данными о росте номинальной заработной платы и о затратах государства на удовлетворение социально-культурных нужд рабочего класса (затратах, имеющих, конечно, немалое значение, но все же отнюдь не оказывающих сколько-нибудь решающего влияния на общий жизненный уровень рабочего класса), пытается создать впечатление, будто русские рабочие в массе своей достигли относительно очень высокого уровня благосостояния. Среди иностранцев находится немало легковверных людей, которые принимают все эти утверждения за чистую монету. Ведь нашел же возможный немецкий коммунист Вильгельм Пик, открывая 7-ой конгресс Коминтерна, попрекнуть «лидеров социал-демократии», будто они «пытались отвлечь симпатии масс от Советского Союза тем, что диктатура не смогла сразу поднять жизненный уровень масс выше того жизненного уровня, который капитализм обеспечил небольшому слою рабочих в период своего под'ема». Других масштабов для характеристики положения рабочих масс в СССР, кроме положения верхнего слоя европейской рабочей аристократии, да к тому же еще в период высшего расцвета капитализма, Пик не знает; для него рабочие массы в Советском Союзе уже достигли «невиданного уровня благосостояния и культуры». Эти утверждения носят прямо религиозный характер. Пытаться разубеждать тех, кто так подходит к советской действительности, бессмысленно. Вера есть вера. Если факты ей противоречат, тем хуже для фактов.

Но официальная советская доктрина о благосостоянии рабочих масс в Советском Союзе находит нередко неожиданное полу-подтверждение — в русской эмигрантской печати, особенно в правой. Для значительной части эмигрантской печати все в Советском Союзе плохо; здесь и земля не родит, и фабрики производят почти один лишь брак, и народ вымирает, и культурное одичание принимает все более грозные формы. И только рабочий класс широко пользуется плодами «диктатуры пролетариата» и забирает себе львиную долю общественного пирога, об'едая всех и вся и особенно ставшее вдруг столь дорогим сердцу правой эмиграции крестьянство.

В буржуазно - демократической части эмиграции преобладают более реалистические представления о том, что происходит в СССР, и в последние годы и особенно в последние месяцы она все чаще обнаруживает и желание, и способность видеть вещи, как они есть. Но в одном пункте она неисправима, в признании эксплуататорской роли рабочего класса в Советском Союзе: рабочий класс живет-де за счет крестьянства и, если и не благоденствует, то во всяком случае добился гораздо более высокого жизненного уровня, чем это отвечает

уровню производительности его труда и общему состоянию производительных сил страны.

Эта антирабочая установка получила недавно своеобразное подкрепление в лице Е. Юрьевского, с чрезвычайной решительностью выступившего против «Социалистического Вестника» в защиту — как это ни парадоксально — да, фактически выступившего (таков об'ективный смысл его выступления) в защиту современной официальной советской политики заработной платы. Юрьевский — публицист-одиночка, блуждающий на границе социалистической и буржуазно-демократической эмиграции. Сотрудник «Последних Новостей», «Дней» (минувших) Керенского, «Записок социалдемократа» покойного Потресова, Юрьевский до недавнего времени в оценке развития Советского Союза занимал особую позицию. Более осторожный в своем скептицизме по отношению к Советскому Союзу, чем большинство публицистов эмигрантского лагеря, лишь в пылу полемики против «Социалистического Вестника» договаривавшийся иногда до обычных эмигрантских крайностей (читатель помнит, может быть, статью тов. Югова «Незадачливый критик» в № 11 «С. В.» за прошлый год), Юрьевский в вопросе об эксплуататорской роли рабочего класса в СССР решительно расходился с близкими ему в эмиграции кругами: для него и рабочий класс в СССР являлся предметом жестокой экономической эксплуатации со стороны «хозяина» страны и промышленности — ВКП.

Сейчас Юрьевский резко повернул. В последней книжке «Современных Записок» он поместил интересную статью «СССР на путях эволюции», в которой решительно заявляет, что сейчас, наконец, «началась эволюция». Ценное, хотя и немного запоздалое, признание, которое должно было бы заставить Юрьевского ретроспективно пожалеть об остроте его былой полемики против «С. В.». Но, увлеченный новейшей «здоровой экономической эволюцией», Юрьевский в своем ревизионизме неожиданно становится апологетом этой эволюции как раз в ее нездоровых социально-политических тенденциях.

Юрьевский горячо приветствует и безоговорочно одобряет отмену нормированного снабжения хлебом и прочими продуктами продовольствия и полемизирует против той критики, которой подверглась эта реформа на страницах «С. В.». В свое время я наглядно показал, что отмена карточного снабжения при очень незначительном повышении номинальной заработной платы равносильна для громадного большинства рабочих чрезвычайно болезненному понижению их реальной заработной платы. Чтобы этого избежать, необходимо было бы при проведении реформы соответственно — т. е. очень значительно — поднять уровень заработной платы, номинальной, конечно. Ведь надо твердо помнить, что уровень заработной платы, как он сложился у нас в последние годы, в основном соответствовал уровню цен в мире карточного снабжения. Но мир карточных цен и мир рыночных цен это два почти не соприкасавшихся друг с другом мира, в которых рубль лишь по названию являлся одной и той же величиной.

Это наше требование значительного повышения заработной платы при переходе от нормированного к рыночному снабжению вызвало решительные возражения со стороны Юрьевского. Что же, спрашивает он, «снова заимствовать из мужицкого кармана», «изо рта крестьянина»? Или, может быть, поднять массы против новейших анти-эгалитарных тенденций, игнорируя «резкий анти-эгалитаризм тех же масс»? «Вопрос неизмеримо сложнее».

Спору нет, вопрос о поднятии жизненного уровня рабочих масс, о значительном повышении реальной

и о заработной платы «неизмеримо сложнее». Но ведь речь то шла пока только о сохранении наличного очень скромного уровня реальной заработной платы, т. е. о сохранении сложившихся за последние годы отношений в области распределения социального продукта. При чем же тут страшные слова о новом ограблении крестьянства?

Но, может быть, наш критик полагает, что реформа снабжения и оздоровление советской валюты (а ведь оно то и составляло подлинную цель реформы) вообще были неосуществимы без тяжелых жертв со стороны рабочего класса? Если да, это нужно было прямо сказать, не прикрываясь легендой о наших будто бы разбойных намерениях по отношению к крестьянству и не пугая читателя трудностями валютной реформы, перспективой возможной инфляции и т. п.

Если действительно таково мнение нашего критика и если он попытается его серьезно обосновать, я еще вернусь к этому вопросу и попытаюсь показать, что трудности валютной реформы отнюдь не в ее технике, а в столкновении социальных интересов, которые она затрагивает.

**

Но раз уже проблема поставлена, ответу — по необходимости кратко, — как я смотрю на вопрос о повышении и реальной заработной платы, о поднятии в Советском Союзе жизненного уровня рабочего класса. После всего, что я писал совсем еще недавно в «С. В.», у читателя не должно бы было быть сомнения в насущной необходимости повышения жизненного уровня рабочих масс. В принципе этого не отрицает и Юрьевский. Но вот вопрос: как этого добиться? где достать необходимые для этого средства?

Никак не может, конечно, явиться ответом на этот вопрос предложение обратиться к печатному станку. Инфляция (как, кстати, и дефляция) никаких новых ценностей не создает, а лишь приводит к перемещению ценностей, к перераспределению общественных благ. И если мы требуем увеличения суммы благ, которые поступают в распоряжение рабочего класса, мы должны уметь ответить на вопрос, где взять эти дополнительные блага.

Если стоять на той точке зрения, что Советский Союз находится в состоянии экономического застоя или переживает даже попятное развитие, то, конечно, никакого иного источника для повышения жизненного уровня рабочего класса, кроме уменьшения доли других общественных классов или значительного сокращения так наз. капитальных затрат, быть не может. При этом в случае очень значительного сокращения капитальных затрат пред рабочим классом может вновь встать перспектива массовой безработицы, т. е. нового понижения жизненного уровня рабочих масс. Поэтому, если добиваться в этих условиях повышения жизненного уровня рабочего класса, приходится в основном ориентироваться на перераспределение общественного продукта в пользу рабочего класса за счет других общественных классов.

Все это так, если производительные силы в СССР не развиваются, народный доход остается на достигнутом уровне или даже сокращается, словом, если в стране не происходит той «здоровой экономической эволюции», о которой нам только что поведал Юрьевский. Но если страна экономически крепнет, если народный доход растет, то вопрос о повышении жизненного уровня рабочего класса может приобрести совсем иной характер. Это вопрос о праве рабочего класса на определенную долю в приросте народного дохода, вопрос гораздо менее трудный и менее болезненный, чем это кажется нашему критику.

“ DER KAMPF ”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

Но я отнюдь не отвергаю и мысли о перераспределении наличного народного дохода. На страницах «С. В.» не раз уже отмечалось, что доля народного дохода, затрачиваемая на так наз. производительное потребление (капитальные затраты), непомерно велика, что личное потребление в стране непомерно сужено. В полной мере отдавая себе отчет в том, что хирургическая операция в этой области была бы крайне опасна (см. выше), что сокращение относительной доли капитальных затрат должно осуществляться осторожно, я все же никак не вижу оснований отказываться от этой меры, тем более в условиях «здоровой экономической эволюции».

Но я не зарекаюсь, наконец, и от известного перераспределения и той доли общественного продукта, которая затрачивается сейчас на личное потребление. Правда, совсем не в том смысле, как этого опасается Юрьевский. Ни в одной из моих статей — да, кажется, и ни в одной из статей других сотрудников «С. В.» — не найти ни строчки, которая могла бы оправдать опасения, будто мы хотим посягнуть на крестьянский все еще очень скудный «кусочек». Но не раз и не два, а множество раз мы писали о формировании у нас громадного, чрезвычайно разбухшего и поглощающего немалую долю народного дохода привилегированного слоя советской бюрократии. И не раз и не два, а множество раз я лично писал о нездоровой, анти-социальной тенденции советской политики заработной платы, выражающейся в крайней дифференциации оплаты труда (в самом широком смысле слова), в крайнем анти-эгалитаризме, какого не знает в этой области ни одна из современных стран. Я в полной мере отдаю себе отчет в том, что борьба против материальных привилегий советской бюрократии, как и борьба против крайностей анти-эгалитаризма в оплате труда, т. е. борьба за перераспределение социального продукта внутри городских (в основном) общественных классов населения и натолкнется — и уже наталкивается — на упорное сопротивление верхов советской бюрократии. Но даже и она до сих пор не додумалась до защиты своих привилегий и привилегий верхнего слоя рабочей аристократии ссылкой — по Юрьевскому — на анти-эгалитаризм рабочих масс.

Словом, я вижу, даже не один, а ряд источников для повышения жизненного уровня рабочих масс. Конечно, это повышение реальной заработной платы не может быть бурным. Это длительный и относительно медленный процесс. За него нужно бороться изо дня в день, из месяца в месяц, упорно, настойчиво, неустанно, не обращая внимания ни на неумеренный оптимизм казенных апологетов современного курса, ни на тревожный скептицизм их невольных эмигрантских союзников.

С. Шварц.

О ПУТИ К ВЛАСТИ (Окончание).

3. Фашизм*).

Стратегия вращающегося не предвидела, да и не могла предвидеть, и другого обстоятельства, коренным образом изменившего дислокацию сил в современном обществе. Мы имеем в виду угрозу фашизма**). Появление на подмостках истории этой новой силы вбило осиновый кол в тактику вращающегося. Оно же сделало нереальным тот вариант этой тактики, которую представляет собою Линцская программа и которая отводит революции защитную функцию в случае покушения буржуазии на политические и гражданские свободы.

Фашизм делает нереальной всякую тактику, построенную на политическом оптимизме. В силу целого ряда причин, на которых мы лишены возможности остановиться, международный социализм перенял у либерализма оптимистическое мировоззрение. Сущность его можно свести к нескольким формулам в роде того, что человек по существу хорош, что предоставленные самим себе люди вообще и пролетарии в частности поступают разумно, т. е. следует правильно понятым интересам, что «история работает на нас», что «идей убить нельзя» и т. д. Характерно, что пропитывание социалистической идеологии оптимизмом развивалось параллельно с вытеснением из практики рабочего движения политики в тесном смысле слова и с все большим усилением в нем пропагандистских ноток. Такой параллелизм не случаен. Подлинно творческая политическая мысль, ставящая себе задачей в критическую эпоху обновить общество, не может не быть пессимистической. К каким ложным политическим оценкам приводит оптимистическое восприятие действительности, показывает цитируемое Каутским «В пути к власти» и характерное для всего современного социализма рассуждение Энгельса о силе: «Сила может подавить маленькую секту в ограниченной области, но нужно еще изобрести силу, которая могла бы истребить партию, насчитывающую два или три миллиона людей и распространившуюся по большому государству». Такая сила ныне нашлась. Имя ей фашизм. И если Энгельс, продолжая дальше, думает, что «временный перевес контрреволюции может, пожалуй, отсрочить на несколько лет торжество социализма, но с тем, чтобы это торжество было более полным и окончательным», то он отдает лишь дань тому настроению, которым по причинам вполне понятным было охвачено немецкое рабочее движение, росшее из года в год, вышедшее победителем из схватки с железным канцлером и уверенно смотревшее на будущее. События последних лет показали воочию полную иллюзорность подобных рассуждений.

Но если появилась сила, способная стереть с лица земли разветвленное, имеющее за собой более чем полувековую историю, насчитывающее миллионы приверженцев движение, если возможны такие превращения в государственной жизни, которые уничтожают основы демократического строя и воздвигают тупую, бездушную, имеющую шансы долгого существования диктатуру, то всякая стратегия, построенная на идее постепенной и неуклонно идущей вперед трансформации современного государства в социалистическое общество должна быть помещена в музей. Рядом с ней и в том

же музее должна занять место тактика, комбинирующая теорию вращающегося с идеей «оборонительной» революции. Наши враги применяют, пользуясь остроумным выражением Вандервельде, политику артишока. Понемногу, как бы отрывая листик за листиком, они ликвидируют одну демократическую и гражданскую свободу за другой. Каждый шаг подготавливает грядущую контрреволюцию, но еще не является ею. Дезориентированное рабочее движение, полное чувства ответственности за могущую пролиться кровь, не имеет повода пустить в ход последнее и единственное средство и как бы ждет официального провозглашения переворота сверху с тем, чтобы ответить на него восстанием низов. Но в тот момент, когда все листья артишока сорваны и сердцевина его обнажена, тогда уже поздно браться за оружие. Нужно было обладать беззаветным мужеством и неограниченной преданностью социалистическим идеалам, чтобы подобно героическому Шутцбунду и его славным руководителям, в совершенно безнадежных условиях, поднять брошенную врагами перчатку.

4. Проблема власти.

Угроза фашизма ставит перед рабочим движением по новому проблему власти. Минувшая эпоха развила в лучших социалистах своего рода отталкивание от политической власти. Отталкивание это диктовалось нежеланием попасть в то ложное положение, о котором так красноречиво пишет Энгельс, анализируя причины неудачи Томаса Мюнцера («Крестьянские войны в Германии»), и которое сводится к противоречию между субъективным желанием проводить социалистическую политику и объективной невозможностью такой политики. Но мысль, ретроспективно совершенно верно объясняющая поражение, имевшее место в 16 столетии, примененная в качестве максимы поведения в 20-м, может сыграть роковую роль. Российская социалдемократия, построившая на этой мысли тактику поведения пролетариата в революции (см. особенно знаменитую резолюцию меньшевистской конференции 1905 г.), в немалой степени подготовила тем самым свое поражение в 1917 г. Тем более пагубным должно явиться отталкивание от власти для социалдемократии в Западной Европе, где «о преждевременной (разрядка Каутского) революции (или о преждевременном приходе к власти, что одно и то же. — Б. С.) не может быть больше речи в то время, когда пролетариат извлек из данной государственной основы столько сил, сколько можно было из нее почерпнуть и когда ее перестройка стала условием его дальнейшего подъема» («Путь к власти», стр. 73). Но даже если и исходить из того, что, придя к власти, социалдемократия не сможет проводить так наз. чисто социалистическую политику, отталкивание от власти ничем не оправдано и, кроме того, губительно.

Губительно, ибо в отличие от органической эпохи существует реальная опасность, что властью овладеет сила (фашизм), которая уничтожит на целую эпоху самые основы развития рабочего движения. Мы наблюдаем, как хорошо выразился Блюм, своеобразное состязание на скорость. От того, кто скорее доскачет к цели, фашизм или рабочее движение, зависит судьба европейской цивилизации и социалистического пролетариата. Отталкивание от власти губительно еще в виду опасности войны. Только приход к власти рабочего класса в решающих европейских странах создаст гаран-

*) Анализ фашизма см. «Соц. Вест.», № 9 за 1933 г.

***) Интересно отметить, что в брошюре, полемицирующей с оборонческим сборником: «Самозащита» и вышедшей во время войны, Ю. О. Мартов предвидит появление цезаризма в послевоенной Европе.

тию предотвращения военных конфликтов, а в случае, если такие гарантии уже не существуют, внесет ясность в политику пролетариата, не могущего перед лицом германского фашизма и когда на карту поставлены завоевания великой русской революции, занять пораженческие позиции, и, с другой стороны, желающего во что бы то ни стало избежать политику бургфридена.

Отталкивание от власти не оправдано, ибо оно исходит из неотвечающей действительности разграничения между так наз. социалистической и не-социалистической политикой. Это разграничение в нашу эпоху, когда всякая творческая политика должна активно вмешиваться в существующие социальные отношения и не может не вносить организующего начала в хозяйственную деятельность, построено на понятиях, заимствованных из довоенного теоретического арсенала. В зависимости от того, кто является носителем власти, то или иное мероприятие становится социалистическим или анти-социалистическим. Ведь противники пролетариата не останавливаются перед применением мер, являющихся скорее мерами социалистического, чем буржуазного порядка (политика Рузвельта, ряд хозяйственных мероприятий Гитлера и т. д.). Отталкивание от власти далее не оправдано, ибо оно основано на игнорировании творческой роли политической власти. С легкой руки Бернштейна в международной с.-д. восторжествовало представление о политической власти, как о факторе негативном, функции которого сводятся к разрушению внешних преград, сковывающих развитие нового социального организма, созревшего в недрах старого общества. Между тем не было в истории смены общественных форм, в которой бы политическая власть не играла активной, позитивной роли. Такое признание вовсе не равнозначно отрицанию необходимости определенных объективных предпосылок, делающих возможным переход от одного общественного строя к другому. Взаимоотношение между социально-экономическим базисом и политической надстройкой слишком сложно, чтобы можно было механически уложить функции политической власти в прокрустово ложе: отсюда — досюда. Особенно в нашу эпоху необычного усиления этатистских начал.

5. «Самокритика».

Все наши рассуждения приурочены к условиям демократического государства, т. е. государства, где пролетариат еще имеет шансы прийти к власти. Между тем, международная дискуссия, начавшаяся после поражения в Германии, за небольшими исключениями, обходит эти государства и тем самым, по нашему мнению, обходит проблему пути к власти. Две черты характеризуют эту дискуссию: подмена проблемы пути к власти проблемой диктатуры и демократии, сопровождающаяся формальным противопоставлением первой второй, и приноравливание всех «проклятых вопросов» к странам, скованным фашистской диктатурой.

Формальное противопоставление диктатуры демократии или так наз. методов революционных так наз. реформистским бесплодно. Когда Сталин вводит четвертьхвостку, а, с другой стороны, демократические правительства существенно урезают демократию (напр., лишение депутатов полномочий за принадлежность к фашистской партии), какой политический смысл имеет вести споры о демократии и диктатуре в старой постановке вопроса? Методы применяются в зависимости от обстоятельств, и ни один демократический социалист не может заранее отказаться от применения в случае нужды мер, считающихся «диктаторскими». Важны не эти меры, а существо политики. Социалдемократия потому партия демократического социализма, что она сторонни-

ца идеи свободы и что цели, ею преследуемые, отвечают интересам большинства народа, а не потому, что она обязалась не тронуть ни волоска на устаревшей системе парламентской демократии.

Весьма малое отношение к вопросу о пути к власти имеет подчеркивание социалистическими партиями фашистских стран своих революционных методов борьбы с диктатурой. Ведь никакого другого выбора у них нет, если они не хотят уйти в небытие. Целесообразно ли этим партиям связывать себя лозунгом диктатуры пролетариата, — проблема чисто тактическая*). До сих пор никто еще по настоящему не показал пути к власти в фашистских странах, не проанализировал условий, в которых произойдет крушение фашизма, если не считать рассуждений общего порядка о противоречиях капиталистического развития, применимых в одинаковой степени к демократическому и к фашистскому государству. Отсутствие такого анализа не вина наших партий в фашистских странах, а их беда, или вернее, наша общая беда. Но независимо от отношений к перспективам преодоления консолидировавшегося фашизма внутри политическими средствами — не скромем, мы настроены в этом пункте скептически — самые рьяные провозгласители такой возможности должны признать, что центр тяжести политической борьбы переносится в страны демократии, что вопрос, быть ли Европе фашистской или социалистической, разрешится скорее в Париже и в Лондоне, чем в Берлине и в Риме. Поэтому вопрос о пути к власти есть вопрос о том, как придти к власти в странах, где еще господствует демократия.

6. Что же дальше?

Мы видели, что теория вращаясь заводит рабочее движение в тупик. Но и ориентация на революцию не дает выхода из положения. Путь к власти в демократических странах проходит лишь в исключительных случаях через революцию. Нормально же ставка на революцию дает лишь отрицательные последствия.

Малоискусшенные в политике элементы, принимающие всерьез идею революции, могут толкнуть организованный пролетариат на открытое выступление и тем самым подставить его под жерла пушек и пулеметов регулярной армии. Впрочем, и самое осторожное обращение с революционной стратегией не сулит больших успехов, ибо оно лишает движение творческих перспектив, прививает ему пассивность. Исходя из совершенно правдивого соображения, что подлинные революционные движения возникают стихийно, умудренные опытом политики призывают пролетариат ждать, пока на башне истории не раздастся тревожный набат. Но время не ждет. Сознание необходимости каких-то решительных и немедленных перемен овладевает все большими и большими группами населения. В этих условиях откладывание сдвигов, ощущаемых всеми, как нечто необходимое, равносильно политическому самоустранению. Бесспорно, революции делать нельзя. Но можно и должно «делать» приход к власти. Политические перемены могут и должны подготавливаться исподволь, осуществляться сознательно и планомерно. Этой дороги не избежать рабочему движению, если оно хочет внести свою лепту в строение храма будущего.

Решающие политические перемены меньше всего под-

*) Не мешает учесть, что до сих пор ни одна партия, по настоящему стремившаяся к диктатуре, не только не кричала об этом на всех перекрестках, но заявляла себя сторонницей демократии и свободы народа. Так большевики совершили октябрьский переворот под лозунгом: «Созыв Учредительного Собрания обеспечен». Муссолини и Гитлер заверяли общественное мнение в своих симпатиях к идее народного суверенитета.

готовляются в тайных кружках и посредством закулисных переговоров (хотя и от этого не приходится зарекаться). Основой и гарантией успешности подобных перемен является большое, охватывающее широкие слои народа возбуждение. Почва для такого возбуждения создана повсеместно мировым хозяйственным кризисом. Нет ни одного серьезного экономиста, который бы не понимал необходимости открыть новую главу в истории хозяйственной политики. Кому же, как не демократическим социалистам, выступить с программой средств, направленных на преодоление социальной чумы, именуемой кризисом! Кому же, как не демократическим социалистам, предложить методы ликвидации безработицы, и несчастий, обрушившихся на крестьянское и городское население! Кому же, как не тем же демократическим социалистам, указать общественному мнению, как реорганизовать хозяйство страны, чтобы вывести на широкую дорогу народы, мечущиеся в поисках выхода! Таким рецептом не является стереотипная формула: общественление средств производства, хотя бы потому, что она в лучшем случае находит отклик лишь в среде индустриального пролетариата. В качестве рецепта непригодно и простое перечисление ряда самих по себе целесообразных мер, потому что такое перечисление лишено психологического эффекта, без которого всякое выступление повисает в воздухе. Из понимания необходимости новых форм воздействия на массы родилась идея **п л а н а**. План это не программа-минимум в смысле традиционного противопоставления конечной цели (программа-максимум) мероприятиям, осуществимым немедленно. План это комбинация того и другого под динамическим углом зрения. План не программа-максимум, ибо он ничего не говорит о конечной цели, предоставляя эмпирическому экспериментированию поиски конечных форм хозяйства. Но план выходит далеко за пределы программы-минимум, вторгаясь в святая святых буржуазно-капиталистических отношений. Поэтому самый факт существования плана важнее его содержания. В идее плана есть многое от мифа, как его понимал Сорель.

Для социалдемократии план это рычаг, при помощи которого она пытается поднять массовое движение, дать ему цель и направить против врагов народа. Но план не единственный рычаг, имеющийся в ее распоряжении. В зависимости от условий и другие идеи могут сыграть не меньшую роль наряду, а иногда и вместо плана. Идеи, идущие навстречу здоровым поискам национальной совести, обеспокоенной угрозой распространения господства германского фашизма над Европой, идея защиты демократических свобод, идея борьбы с войной — все они в соответствующей обстановке могут и должны быть использованы в качестве рычагов воздействия на массы.

Речь идет о воздействии не только на кадры пролетариата в тесном смысле слова, а о подчинении своему влиянию полупролетарских, мещанских и — что особенно важно — интеллигентских слоев. Лишь найдя слова, чтобы сформулировать требования, отвечающие потребностям нации, социалдемократия подойдет вплотную к возможности овладения политической властью. О том, что задача с.-д. выражать интересы нации, говорили и писали учителя международного социализма. В моменты взлета нашего движения, с.-д. становилась поистине партией всего трудящегося народа. И в этом была ее сила. Подчеркивание узко-классовых, порой цеховых требований индустриального пролетариата вводит с.-д. с широкой дороги общественной борьбы. Какую роковую роль сыграло подобное самоограничение в истории германской социалдемократии, прекрасно показывает Артур Розенберг в своей только что вышедшей книжке о немецкой революции. Лозунг диктатуры

пролетариата, поныне занимавший видное место в идеологии ряда партий Интернационала, должен быть поэтому снят и заменен лозунгом господства трудящегося народа.

Как только социалдемократии удалось нащупать рычаг, чтобы сдвинуть с мертвой точки народное движение, все ее усилия должны быть направлены к тому, чтобы выплыть на волнах всеобщего возбуждения и захватить в свои руки руль государственного корабля. Для с.-д., имеющей за собой широкое движение, не исключена возможность совершенно легального овладения аппаратом власти. Трудно точно взвесить шансы такого прихода к власти, тем более, что понятия легальности и нелегальности чрезвычайно растяжимы. Там, где путь более или менее легального прихода к власти закрыт, открывается путь более или менее нелегального прихода, т. е. переворота. От интенсивности народного возбуждения и степени популярности с.-д. зависят пропорции легальности и нелегальности в процессе овладения властью. Но какова бы ни была эта пропорция, с.-д. не избежать установления контакта с другими оппозиционными силами, будь то коммунистическими или радикально-демократическими. Вряд ли кто в состоянии предвидеть конкретные формы подобного контакта. Положительное разрешение проблемы единого фронта является почти неотъемлемым условием успешности борьбы за власть. Оставаясь сторонницей объединения рабочего класса, социалдемократии — до того, а может быть и для того, чтобы добиться этой цели — придется идти на соглашение с различными группами в пролетариате и за пределами его.

Не исключена возможность коалиции на предмет разделения власти. Такие коалиции не имеют ничего общего с коалициями, заключавшимися с.-д. в военный и в послевоенный период, одно упоминание о которых возбуждает совершенно законное недоверие. Те коалиции ставили себе задачей, так сказать, подморозить капитализм. Они превращали рабочий класс в консервативную силу, отрывали социалдемократию от народа. Время этих банальных коалиций прошло вместе с тактикой вранья*). Разделение власти с анти-капиталистическими группами для борьбы с кризисом и осуществления подлинной демократии носит по самому существу своему характер революционный. Оно несет с собой серьезные сдвиги в экономической и социальной структуре общества. Положение с.-д. в таких соглашениях тем более прочно, что только она одна способна последовательно и до конца формулировать задачи, стоящие перед нацией. Приход к власти в этих условиях означает **н а ч а л о** новой эры. Перенос на современную почву идею, игравшую в марксистской литературе большую роль, можно назвать эту эру **э р о й** **п е р м а н е н т н ы х** **с д в и г о в**. Конечно, при том условии, что с.-д., придя к власти, никому не уступит своих позиций и у власти останется.

Но способна ли международная социалдемократия справиться со сложными заданиями, выпадающими на ее долю? Окажется ли способным поколение, руководящее ныне рабочим движением, учесть ошибки, совершенные ими в прошлом, почерпнуть нужные уроки из событий последних лет и обновить состав более молодыми силами? Ближайшее будущее ответит на этот вопрос.

Б. Сапир.

*) Судьба бельгийского эксперимента зависит от того, выродится ли нынешний правительственный блок в коалицию обычного типа.

В РАБ. СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СЕССИЯ ИСПОЛКОМА РСИ *) (Окончание).

Помимо указанных политических проблем Исполкому пришлось разрешить и ряд организационных вопросов. Тов. **Добрукер**, который со времени вступления прежнего председателя Исполкома т. Вандервельде в бельгийское правительство, временно выполнял обязанности председателя, согласился, по единодушному настоянию всех членов Исполкома, занять этот пост окончательно. Секретарем РСИ был вновь утвержден т. **Адлер**, кассиром т. **Ван-Розбрук**.

В административную комиссию РСИ должны входить, согласно устава, кроме председателя, секретаря и кассира, также члены Исполкома той страны, в которой находится Секретариат РСИ, равно как и специально избранные Исполкомом товарищи. Соответственно этому в административную комиссию ныне будут входить, помимо т. т. Де-Брукера, Адлера, Ван-Розбрука и бельгийских членов Исполкома (Бушери и Гюисманс), еще секретарь бельгийской партии т. **Дельвинь** и редактор брюссельского «Пепль» — т. **Вотерс**.

Исполком внес также временно, до ближайшего конгресса, ряд изменений в организацию Бюро. Согласно статутам число членов Бюро РСИ должно быть 11. Швеция участвовала до сих пор в Бюро с совещательным голосом; Швейцария, входившая в Бюро через административную комиссию, поскольку Секретариат находился в Цюрихе, ныне потеряла свое представительство в Бюро. Для того, чтобы дать возможность партиям Швеции, Швейцарии и Испании быть представленными в Бюро, число членов последнего было повышено до 14, причем было констатировано, что это временное отступление от устава производится по единогласному соглашению всех партий. Были вновь избраны нынешние 11 членов Бюро, к ним были доизбраны **Линдстрем** от Швеции и **Гримм** от Швейцарии. Представитель **Испании** будет избран, как только поступит соответствующее предложение от испанской партии. Одновременно было установлено, что на будущее время вопросы крупного политического значения должны рассматриваться не в Бюро, а в Исполкоме, который в виду этого будет созываться чаще, чем до сих пор. Общий вопрос о реорганизации руководящих инстанций РСИ должен быть подвергнут рассмотрению на ближайшем Конгрессе.

Исполком постановил, из всех комиссий, которые до сих пор были организованы при РСИ, оставить в действии лишь комиссию по исследованию положения **политических заключенных**, комиссию для изучения **тактики РСИ в случае войны** и **Международный Женский Комитет**, заседание которого должно было состояться 31 августа и 1 сентября. Все остальные комиссии должны быть наново избраны лишь в тот момент, когда перед ними встанут непосредственные практические задачи. Точно так же из совместных комиссий РСИ и Международной Федерации Профессиональных Союзов, РСИ переизбрал своих представителей лишь в Комитет для заведывания «**Международным Фондом Солидарности**», — целью которого является помощь рабочему движению в странах без демократии. РСИ избрал своими представителями в этот комитет **Адлера**, **Ван-Розбрука** и секретаря голландской партии **Вауденберга**. В образованный по предложению МФП анти-военный комитет РСИ делегировал т. т. Де-Брукера, Адлера и Альбарда.

На предстоящий в Копенгагене в ближайшие дни Международный Конгресс Социалистической Молодежи были делегированы т. т. **Альсинг Андерсен** и **Адлер**.

Социалистическая партия **Америки** представила Исполкому подробный отчет о внутренних затруднениях в партии и об их устранении путем соглашения между ЦК партии и организацией Штата Нью-Йорк. По предложению т. **Абрамовича** Исполком с чувством величайшего удовлетворения принял к сведению это сообщение, выражающее волю партии к сохранению единства.

В Секретариат РСИ поступило большое число документов, сообщающих о внутренних проблемах и осложнениях в социалдемократическом движении **Германии**. Исполком поручил своему председателю и секретарю изучить эти документы и представить доклад Бюро, а затем и Исполкому РСИ.

В Исполком поступил ряд прошений о приеме от различных социалистических партий в ряде стран. Исполком постановил прошение «**нео-социалистической**» партии **Франции** отклонить, а прошение социалистической партии **Греции** рассмотреть лишь на следующем заседании, так как подробный доклад этой партии поступил уже в момент, когда Исполком заседал. Что касается прошений, поступивших от партий в Эстляндии,

*) В прошлом №-ре начало этого отчета было ошибочно озаглавлено: «Заседание Бюро РСИ».

Бразилии и Западной Украины, то от этих партий должны быть затребованы дополнительные данные.

Кассир Ван-Розбрук представил Исполкому подробный доклад о **финансовом положении** РСИ, в котором уделил особенное внимание проблемам, вытекающим из девальвации валюты в ряде стран. РСИ постановил, что, если та валюта, в которой партии РСИ делают свои взносы в кассу Интернационала, когда-либо потерпит девальвацию, то взносы всех секций должны автоматически быть повышены в соответствующей пропорции. Взносы эти, которые до сих пор рассчитывались в швейцарских франках, должны с 1-го января 1936 года вноситься в бельгийских франках. Бюро РСИ на своем ближайшем заседании еще вернется к отдельным частям кассового отчета.

**

Срок созыва **ближайшего заседания Исполкома** должен быть установлен административной комиссией. Предполагается, если не произойдет событий, которые заставят перенести заседание на другой срок, что Исполком соберется в ноябре.

ЛЕО ВИНТЕР

В лице скончавшегося на 59 году жизни Лео Винтера чехословацкая социалдемократия понесла тяжелую потерю. Еще в качестве депутата австрийского парламента, куда он был избран в 1911 году, Лео Винтер выдвинулся на одно из первых мест своей работой в области социального законодательства. В самостоятельной чехословацкой республике, в создании которой он принимал деятельное участие, Винтер был первым министром социального обеспечения с ноября 1918 по сентябрь 1920 года и затем вторично занимал тот же пост с марта 1925 по март 1926 года. Ему главным образом обязана чехословацкая пролетарият законодательством об охране труда и, в особенности, о социальном страховании. За последние годы, не оставляя своей работы в области социального законодательства, он очень много внимания уделял вопросам внешней политики и литературной деятельности. Он был также одним из представителей партии в Исполкоме Социалистического Интернационала, и все, кто встречался с ним на этой арене, сохраняя о нем память, как о товарище, который и при самом резком расхождении во взглядах хотел и умел прислушиваться к мнениям своих оппонентов и вносить в совместную работу дух дружеского, международного общения и взаимного понимания.

ЗД РСДРП выразила чехским товарищам чувства глубочайшего соболезнования.

ПО РОССИИ

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» В СССР.

Один из наших читателей доставил нам письмо, полученное им из СССР от одного рабочего-коммуниста и миновавшее советскую цензуру. Делаем следующий выписку из этого письма:

«...Попались мне случайно номера «Социалистического Вестника» от 10 ноября 34 г. и 25 мая 35 г. Журнал произвел на меня большое впечатление. Если бы журнал здесь продавался, то, я думаю, он разошелся бы в миллионы экземпляров. Оказывается, что теперь многие у нас думают по меньшевистски, даже не догадываясь, что это меньшевизм.

«Недавно Ягода сказал: «любой бандит менее нам опасен, чем меньшевики. Большевики подкапываются под основы нашего здания, подготавливая прыжок в неизвестное».

«Жалко, что статью Дана прочел только конец. Очень мне понравилась статья Югова о зажиточности в деревне...» *).

От Редакции. — По причинам организационно-технического порядка очередная почта из Советского Союза ко времени верстки этого номера не получена.

*) Речь идет о помещенных в № от 25 мая окончания статьи Ф. Дана «О задачах российской социалдемократии» и о статье А. Югова «О зажиточности и расслоении». — **Ред.**

ИЗ ПАРТИИ

М. Ф. НАЗАРЬЕВ

С большим запозданием дошла до нас весть о кончине Михаила Федотовича Назарьева (партийная кличка — Петров).

Я не собираюсь сейчас писать его биографию, да у меня нет и достаточных данных для этого. Знаю, что Михаил Федотович родился в 1879 году в Лубнах в семье видного украинского общественного деятеля. Через студенческое движение, к которому он примкнул, будучи студентом Петербургского университета, и т. п. «группу 20-ти» (Савинковы, Салтыков и др.), он скоро пришел к социалдемократии, которой и была отныне посвящена вся его жизнь, — жизнь уже не Михаила Федотовича Назарьева, а столь многим хорошо известного «товарища Петрова». Типичная жизнь социалдемократа-«практика» того времени! Жизнь полная лишений, тревог, опасностей, но и великих подвигов самоотвержения, мужества, можно сказать — героизма, тем более великих, что они оставались неизвестными, что более или менее полно героическая биография этих строителей рабочей организации и социалдемократии в России запечатлевалась лишь в архивах жандармских управлений, охранных отделений и департамента полиции, и лишь отдельные эпизоды ее — тюремное заключение, ссылка, побеги — попадали на страницы зарубежной революционной печати.

Этот тяжелый и славный жизненный путь прошел до конца Михаил Федотович, ни разу не свернув с него, ни разу не согнувшись. В 1900 году он впервые был арестован и после 10-месячного заключения приговорен к ссылке. Но ссылку удалось заменить отъездом за границу, и М. Ф. очутился в Париже. Но и из Франции его вскоре выслали за участие в демонстрации, устроенной Биржей Труда. Он переехал в Швейцарию, где сначала принимал участие в группе, слагавшейся вокруг «Рабочего Дела», а затем стал «искровцем». В 1903 году его арестуют на границе с транспортом «Искры» и после суда, состоявшегося в Каменец-Подольске, приговаривают к 3-летнему тюремному заключению. Амнистия 1905 года досрочно освобождает его, и он работает в Петербурге — в Петербургском и Александро-Невском районах. В 1907 году приходится опять эмигрировать. Деятельность М. Ф. сосредоточивается в «группах содействия партии», постепенно покрывающих все университетские города Европы, а затем в возглавляемом Чичериным (Орнатским) Центральном Бюро этих групп. С основанием «Голоса Социалдемократа» и переносом его издания в Париж, М. Ф. становится одним из виднейших членов «голосовской» группы. В день объявления войны его арестуют в Париже, на вокзале Сан-Лазар, и держат в тюрьме, требуя от него «добровольного» вступления в армию. С большим трудом удается французским товарищам (Ренодэль, Лонге) высвободить его, и он целиком примыкает к «интернационалистской» группе Мартова, вместе с ним переезжает в Швейцарию и работает в «циммервальдском» движении.

Революция 1917 года вернула его в Россию. Большевистский переворот нашел его в числе тех, которые, несмотря ни на что, до последней возможности решили продолжать активную работу социалдемократии. И в последний раз я встретился с Михаилом Федотовичем в Петербурге, в те трагические февральские дни 1921 года, когда голодающий рабочий Петербург всеобщей забастовкой выразил свой протест против политики «военного коммунизма». Назарьев, разумеется, принял самое деятельное участие в той работе, которую развернул на фоне этих событий вновь сформировавшийся Петербургский Комитет нашей партии. Вместе с другими членами этого комитета он был арестован. Я встретил его в Доме Предварительного Заключения в ту памятную ночь с 1-го на 2-ое марта 1921 года, когда нас заключенных социалдемократов, неожиданно перевезли в Петропавловскую крепость — как впоследствии выяснилось, в качестве «заложников», предназначенных Зиновьевым для расстрела в связи с вспыхнувшим в это время Кронштадтским восстанием и избавленным от этой участи лишь специальным постановлением большевистского ЦК. В крепости, в условиях, описанных мною в книге «Два года скитаний», я свыше месяца просидел с Назарьевым в одной камере. Вместе провели мы еще несколько месяцев в Доме Предварительного Заключения, куда нас вернули. В июле меня увезли в Москву, а оттуда в январе следующего года выслали за границу. Назарьева я уже больше никогда не видел.

Но для него хождение по крестному пути не кончилось. Короткие промежутки «свободы» неизменно заканчивались новыми арестами и ссылками — то на крайний север, то в

Среднюю Азию. В ссылке, в Ташкенте он и умер, умер верным, преданным и непоколебимым солдатом социалдемократического, рабочего дела.

Редеют ряды старого меньшевизма. Редеют не только в силу неумолимых законов природы. Несмываемым пятном на большевистской диктатуре останется то, что рукой своего террора она ускоряет гибель тех, для кого на протяжении всего жизненного пути освобождение рабочего класса и торжество социализма было и остается всем смыслом существования, и чей мужественный, героический облик должен и будет светить сменяющим их поколениям борцов за рабочее дело. В числе безвременно погибших пионеров этого дела по праву займет почетное место и Михаил Федотович Назарьев: он, поистине «отдал все, что мог, за него»...

Ф. Дан.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

La Bataille Socialiste, № 90, Août-Septembre 1935.

La Révolution prolétarienne. №№ 204-205.

Cahier du bolchévisme, № 17-18.

Der Kampf, № 9.

Prométhé, № 104.

Ein Jahr Sshuschnigg, Dokumente einer Dictatur, "Eglantine", Brüssel, 1935.

Знамя России, №№ 7-8, июль-август 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 3/8, 14/8, 22/8.

Отослано: № № 42, 43, 44.

Поступили в продажу в конторе «Соц. Вестника»

НОВЫЕ БРОШЮРЫ :

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunois et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre de H. N. Brailsford

Sté d'Éditions "Nouveau Prométhée"

Paris 1935. Prix : frs 1.50

Die Internationale und der Krieg

Von Otto Bauer, Theodor Dan und Jean Zyromski mit einem Vorwort von Friedrich Adler und einer Erklärung von H. N. Brailsford

Wien 1935. Preis : frs 1.50

„Мировой Большевизм“ по-французски :

Jules MARTOV**“ LE BOLCHEVISME MONDIAL ”**

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée», Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Fr.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

Интернационал и война

(К международной дискуссии)

Военная политика Интернационала

(К КРИТИКЕ ТЕЗИСОВ БАУЭРА-ДАНА-ЖИРОМСКОГО-ДЮНАУ).

Авторы тезисов «Интернационал и война» («С. В.», № 14/15) подчеркивают, что они намечают поведение социалистическо-пролетариата лишь для **одного** варианта европейской или мировой войны. Довоенные социалистические конгрессы, кончая базельским, ограничивались, как известно, общими директивами, относящимися ко всякой будущей войне, хотя наличность в то время двух военных союзов — двойственного и тройственного — не оставляла сомнения насчет распределения стран в предстоявшей мировой схватке.

Слишком большая конкретизация плана Бауэра-Дана является его дефектом: он грозит быть опрокинутым при изменении ситуации, как были опрокинуты стратегические планы генштабов в 1914 г. Бауэр не раз уже навязывал РСИ какой-нибудь один вариант развития международных конфликтов, ведущих к войне (напр., на марсельском конгрессе РСИ) и каждый раз он ошибался. Сейчас он выстраивает будущий фронт войны по оси: СССР в союзе с демократическими странами против Германии, возглавляющей фашистский блок держав. Еще недавно т. Дан не разделял такого «удобного» взгляда на политическое распределение ролей в будущей войне, указывая на то, что невозможно спрятать в рукав участие в антигерманском блоке фашистской Италии, диктаторской Югославии, полуфашистских прибалтийских стран и т. д. Теперь т. Дан пересмотрел свое отношение к этому вопросу. «Четверке» рисуется картина «священной войны» социалистических и демократических стран против фашизма. А на деле, если европейская или мировая война разразится, в силу вступят не эти идеологические факторы, не солидарность государств по политической линии демократии и социализма, а солидарность держав по империалистическим и военно-стратегическим соображениям и интересам. И тут действительное распределение стран по фронтам в предстоящей войне подарит нас еще не одной неожиданностью!..

Нам представляется поэтому путь разработки отдельных стратегических планов для всех возможных вариантов грядущей войны едва ли плодотворным и целесообразным. Довоенные конгрессы шли в этом отношении более верным путем. То обстоятельство, что соц. партии не последовали за общими директивами базельского конгресса, еще не говорит против самого метода. Так ли твердо убеждены Бауэр и Дан, что их «конкретная» диспозиция будет в точности или пусть даже в основном принята не только к сведению, но и к исполнению социалистическими партиями отдельных стран? Мы опасаемся предвосхищения тех конкретных решений, которые Интернационал сможет — и, разумеется, должен будет — принять с учетом реальной обстановки и реального распределения «фронтов» только тогда, когда война действительно разразится. Мы опасаемся, что апробация Интернационалом конкретных стратегических планов грозит — несмотря на оговорки в предисловии Адлера — ответить вниманию РСИ от насущнейшей и труднейшей задачи **борьбы за предотвращение войны** и от выработки программы такой борьбы.

♦♦

Разумеется, тезисы «четверки» учитывают эту опасность и потому подчеркивают, что «международный социализм должен по прежнему сосредоточить все свои усилия на предотвращении войны». Огромная часть тезисов — вся глава вторая — посвящена развитию основ международной социалистической политики в целях предотвращения войны. В этой части тезисов есть много верного. Я особенно приветствую решительное отклонение превентивной войны против фашистской Германии*). Целиком принимаю положение, что меж-

*) Но не разделяю довольно странных утверждений, мотивирующих этот отказ. В тезисах явно сквозит непонятный оптимизм насчет военного «потенциала» Сов. Союза и пессимизм по части обороноспособности буржуазно-демократических стран. Так мы читаем: «Возможно, что с течением времени фашистская Германия станет сильнее демократической Франции. Но зато **несомненно**, что за это же время пролетарский Советский Союз станет сильнее фашистской Германии». Откуда эта «несомненность»? Откуда эта уверенность, что сталинская Россия будет «готова, архи-готова»?

дународный социализм не может в борьбе за предотвращение войны просто поддерживать внешнюю политику капиталистических правительств, а должен иметь и проводить свою собственную внешнюю политику. Конечно, «их политика, не наша политика». Но эта самостоятельность социалистической внешней политики не может достигаться путем неизменного — от пункта к пункту — подчеркиваний готовности **поддерживать** политику мира капиталистических правительств при неременной обязанности пропагандистски «предостерегать от иллюзий». Точно так же самостоятельный характер социалистической внешней политики не достигается повторным указанием на готовность использовать потрясения войны для повсеместного завоевания власти пролетариатом и организацией социалистического хозяйства в Европе.

Нет, самостоятельность внешней политики социализма в деле **предотвращения** войны должна заключаться не только в разоблачении иллюзий, порождаемых вынужденной поддержкой буржуазно-демократической мирной политикой, и не в подчеркивании — в сущности, по старо-большевистской схеме — неизбежности социальной революции в результате новой мировой войны. И уж, конечно, самостоятельность эта достигается не слепым следованием за всеми зигзагами советской внешней политики, на которой почитают будто бы благодать имманентной пролетарской социалистичности. Самостоятельность социалистической внешней политики может заключаться единственно в установлении тех путей, которые — независимо от национально-государственных appetitов держав-победительниц и независимо от соображений их великодержавных «престижей» — в максимальной степени способны устранить конкретные причины — не войн вообще, а особенно опасных международных конфликтов и нестроений, обусловленных версальской системой мира. Международный социализм выпустил, к сожалению, из своих рук внешнеполитическую инициативу и утратил ведущую роль в борьбе за замирение Европы, — роль, которую он с успехом играл на другой день после войны (Франкфуртское совещание 1922 г. и т. п.).

Да, в своей борьбе против войны «международный социализм» вынужден поддерживать правительства стран, удовлетворенных результатами последней войны и потому желающих сохранения мира». Да, международный социализм, «пока он не взял власть в свои руки в решающих странах», вынужден не отказывать в поддержке мирной политике «консервативно-капиталистических правительств», подвергая, разумеется, критике недостаточность имеющихся в их распоряжении средств борьбы за мир (Лига Наций, региональные пакты и т. п.). Но почему это международный социализм должен останавливаться в резиньяции — на время до овладения властью — перед внешнеполитическим «консерватизмом», капиталистических держав? Почему международный социализм дает себя увлечь на путь признания **незыблемости статус кво?** Ревизия Версальского договора стояла когда-то в центре социалистической программы замирения Европы. Почему РСИ от этого центрального требования практически отказался, а авторы тезисов, крепя сердце, считают нужным поддерживать консервативно-капиталистическую политику статус кво, к которой теперь примкнул Советский Союз?

Говорят: приход Гитлера к власти радикально изменил положение. Гитлеризм воплощает алчный германский неоимпериализм, appetitы которого все равно не удовлетворить исправлением несправедливых пунктов версальского диктата. Кроме того — нельзя делать фашистской Германии уступок в которых отказывали демократической Германии, ибо этим будет лишь усилен престиж Гитлера. На это мы отвечаем: а самовольное нарушение и аннулирование Гитлером ограничительных постановлений Версальского договора или такие успехи гитлеровской политики, как возвращение Саара не в качестве акта мудрой политики бывшей Антанты, а в результате политической победы Гитлера в Сааре, не увеличивают разве во сто крат больше престиж Германии? Не ясно ли, что внешнеполитическая позиция Гитлера **внутри** страны и **вовне** тем особенно и сильно, что въ ней сейчас переплетаются неоимпериалистические поползновения его аграрно-капиталистически антрепренеров с совершенно справедливыми требованиями германского народа. Нельзя и думать морально и политически изолировать гитлеризм внутри Германии или даже за границей, пока имеет место это сплетение завоевательных планов германского неоимпериализма с законными национальными требованиями германского народа.

Реалистическая мировая политика должна различать и от-

делять нео-империалистические цели гитлеризма от справедливых требований германского народа. Первые смогут встретить лишь в том случае и в той мере, должный коллективный отпор, если вторые станут основой соглашения, имеющего целью коллективную организацию мира, между прочим, и путем ревизии Версальского договора.

Резерв возможных уступок справедливым требованиям германского народа далеко еще не исчерпан. Ревизия Версальского договора, силой, т. е. на путях войны, опасна и не может быть терпима. Но ревизия Версальского договора в порядке мирного соглашения под эгидой и в рамках Лиги Наций (устав которой в п. 19 предусматривает, кстати, пересмотр устаревших статей мирного договора) не должна смущать социалистических политиков.

Если бы Германия не удовлетворилась исправлением несправедливых постановлений Версальского договора и продолжала бы преследовать цель установления германской гегемонии в Европе и во всем мире, тогда — но только тогда — можно было бы рассчитывать на создание столь мощной антигерманской коалиции, при которой всякая попытка Гитлера перейти от слов к делу была бы обречена на заведомую неудачу и потому едва ли имела бы место.

Мы помним совет древних римлян: *quieta non movere!* Но разве положение в Европе хоть сколько нибудь напоминает спокойную неподвижность? Разве «консервативная» линия антиревизионизма, на поддержку которой зовут нас авторы «тезисов», не упирается в неизбежную катастрофу? Лучше идти на риск ревизии Версаля, чем на риск «священной войны»...

**

Но тут мы подходим к одному из существеннейших пунктов нашего размышления с авторами тезисов. Они не питают «ни малейших иллюзий на счет возможности вечного мира», но подчеркивают, что социалисты «в высшей степени заинтересованы в том, чтобы своей борьбой против войны по возможности отсрочить ее вспыхну». В возможность «вечного мира» при капитализме и мы, конечно, не верим. Но возможность длительного мира не исключена и при капитализме. Почему то авторы тезисов считают только с альтернативой: вечный мир или скорая вспышка войны, т. е. ориентируются на неизбежность новой мировой войны в более или менее близком будущем.

Еще недавно мы слышали, что грядущая война — не в пример прежним войнам, даже мировой войне 1914 г. — может привести к гибели Европы и европейской цивилизации. Еще недавно с войной социалисты — в отличие от большевиков — отказывались связывать социально-революционные перспективы. При новых средствах разрушения, при изменении самого характера войны, при уничтожении различия между фронтом и тылом, при превращении войны на истощение в войну на истребление, — какие уж тут социалистические перспективы! Но увлечение идеей антифашистской «священной войны» как-то необычайно скоро выветрило из сознания иных, даже очень видных социалистов-интернационалистов, эту реалистическую оценку того, что несет с собой «война в трех измерениях». И соответственно этому, как любил выражаться Потресов, «регрессивному метаморфозу» социалистической мысли в направлении к старым «маневренным» взглядам на войну Маркса и Энгельса происходит и подмена задач и обязанностей международного социализма на случай войны.

До сих пор казалось, что никогда еще таким обоснованным как сейчас, не было центральное требование базельского конгресса: в случае войны обязанности социалистов **стремиться к скорейшему прекращению войны**. Это требование просто отсутствует теперь в тезисах «четырёх». Зато оно заменено сжатой формулировкой **целей войны**, которая даже архитектурно предпослана рецептам всемерной борьбы за предотвращение войны: «Интересы мирового пролетариата требуют, чтобы (в случае войны) германский фашизм был разбит. Они требуют, чтобы Советский Союз одержал победу. Они требуют, чтобы во всех странах война была использована для завоевания власти рабочим классом и низвержения капитализма».

Этот «жюксобутизм» представляется нам не отвечающим высшим интересам мирового пролетариата. Последние требуют прежде всего — скорейшего прекращения боини народов, уничтожающей материальные и моральные предпосылки для социалистического переустройства общества. В этом пункте основное требование базельского конгресса остается в полной силе, и лишь в меру того, как международный социализм будет ориентировать пролетариат всех стран в духе следования **этому** первейшему лозунгу скорейшего прекращения войны, возможно осуществление в ходе войны и **второго** лозунга базельского конгресса — «всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный войной поли-

тический и хозяйственный кризис для политической мобилизации народа и тем самым для ускорения ликвидации капиталистического классового господства». Разрывать эту двуединую формулу базельского конгресса мы не видим никаких оснований.

Авторы тезисов и сами предвидят, что победа антигерманского блока грозит злоупотреблением этой победой в ущерб интересам демократии и социализма. С одной стороны, «буржуазия союзных СССР стран скоро начнет бояться побед своего союзника больше, чем побед общего врага» и «будет пытаться контр-революционной интервенцией против пролетарской революции в Германии, если она вспыхнет, спасти угрожаемый ею капиталистический строй в Европе». С другой стороны, есть опасность, что «военная политика советского правительства подпадет под влияние его капиталистических противников и утернет свой пролетарский, революционный характер». Больше того: даже в случае успешного ведения революционной войны Советской России, находящейся во власти «диктатуры узкого слоя внутри господствующей партии», грозит опасность «бонапартистского финала», т. е. между прочим и превращения «революционной», «пропагандистской», «якобинской» войны Советской России в завоевательную. Эта тройная опасность несомненно усиливается, поскольку — вместо основного требования скорейшего прекращения войны — антигерманской коалиции с Сов. Союзом во главе предлагаются «позитивные» цели войны: «разгром фашистской Германии» и «победа Сов. Союза». Боюсь, что даже при осуществлении этих целей войны дело едва ли дойдет до третьей цели — использования войны во всех капиталистических странах для завоевания власти рабочим классом и низвержения капитализма.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, дойдет ли дело до победы и до осуществления этих целей войны при рекомендуемой тезисами политике, имеющей целью **совместить** создание мощной анти-германской коалиции из буржуазно-демократических стран плюс Советский Союз с курсом на свержение этих самых буржуазно-демократических правительств в союзных странах. — даже если они добросовестно и умело будут вести войну против фашистской Германии. Давая рецепты на случай войны для разных стран, тезисы формулируют следующую директиву: «В демократических странах, союзных СССР и воюющих с Германией, социализм не может ни отвергать, ни саботировать обороны страны, но он должен стараться использовать военные события для превращения этой обороны еще в ходе войны в революционную, якобинскую оборону, в оборону пролетарской социалистической страны». Не предпочтут ли, однако, буржуазно-демократические правительства при такой постановке вопроса — непременная социальная революция в тылу еще в ходе законно-оборонительной войны с Германией — заключить сепаратный мир, пусть «похабный» мир, с германским фашизмом за **счет России**? Не грозит ли эта тактика, на словах столь революционная, привести вместо победы над Гитлером и «развязывания пролетарской революции в Германии и в Центральной Европе» к победе Гитлера? Не поведет ли она парктически вместо поддержки СССР в войне с Германией к его изоляции, усиливая в ныне союзных ему буржуазно-демократических странах реакционно-фашистские тенденции и силы, ориентирующиеся на соглашение с Гитлером? Авторы тезисов отвергают бургфриден во время войны и зовут к захвату власти в союзных СССР демократических странах. Опасаюсь, что постулированные ими цели войны — при отказе от лозунга скорейшего прекращения войны — на деле увлекут их фатально на путь бургфридена *).

**

Насчет «революционной», «пропагандистской», «якобинской» войны, которую авторы тезисов пытаются навязать международному пролетариату на случай военной катастрофы, надо бы поговорить особо. Напомним только, что лет десять тому назад Д. Рязанов перед собранием красных маршалов не без основания говорил, на основании опыта советско-польской войны, о необходимости пересмотреть в основе вопрос о якобинской, пропагандистской и пр. войне, проложившей путь Наполеону, а в условиях XX-го века способной вернее всего вызвать не ответную революцию, а рост националистических настроений в стране, против которой красная интервенция направлена и которая подверглась «дружественному» нашествию. Но это тема особая.

В заключение мы хотим коснуться той роли, которую отводят авторы тезисов Советскому Союзу в этой революционной войне, призванной сокрушить германский фашизм, развязать революцию в Центральной Европе и «организовать со-

*) Характерно, что авторы тезисов, чтобы облегчить себе задачу доказательства осуществимости этих целей войны, бесознательно упустили малость — участие Японии в войне на стороне Германии.

циалистическое хозяйство Европы». Не знаем, в какой мере заправили СССР, угрожаемого с двух сторон германским фашизмом и японским милитаризмом, на самом деле ориентируются на выполнение роли застрельщика якобинско-социалистической войны в европейском и даже мировом масштабе. Реальные политики из Кремля, отдав должную дань коминтерновской словесности, практически ориентируются на поддержку всех стран — буржуазно-демократических и даже фашистских — которые могут включиться в антигерманскую и антияпонскую комбинацию.

Тезисы почти в каждом пункте предостерегают от иллюзий, кроме пунктов о Сов. России, способных питать величайшие иллюзии в международном пролетариате. На потребу соблазнительной схеме тезисы рисуют СССР под революционно-социалистического протагониста «якобинской войны». Изобразить СССР как готовый «образец социалистического общества», авторы резолюции, правда, не решились. Но они почему то уверены, что террористическая диктатура «сможет и должна будет быть постепенно ликвидирована» по мере успехов социализма на Западе и преодоления хозяйственной скудости в СССР — очевидно самотеком, без организованного давления масс и вырывания ими уступок, на что ориентировался даже Мартов. Говоря в сослагательном наклонении о том, что «развитие Советского Союза в таком направлении дало бы миру образец социалистического общества», авторы тезисов под это сослагательное наклонение требуют от русского пролетариата «энтузиазма» в защите Сов. Союза, а от социалистических партий, стоящих в оппозиции к большевистской диктатуре, чтобы они «безусловно и безоговорочно» стояли за революционную оборону страны. Советскому же правительству рекомендуется для укрепления революционной обороны страны и для усиления воодушевления западно-европейского рабочего класса в защите СССР «объявить амнистию социалистам и оппозиционным коммунистам и привлечь их к активному участию в деле организации обороны».

Что Сов. Россия, подвергаясь нападению и быть может нашествию, должна будет защищаться, не подлежит спору. Но могут ли оппозиционные социалистические партии «безусловно и безоговорочно» стоять за оборону страны, организуемую безконтрольной террористической диктатурой Сталина? А если русские социалисты глубоко уверены, что режим сталинской диктатуры безмерно ослабляет обороноспособность страны, что политика экспериментов восстанавливает стомиллионное крестьянство против власти, гитая в нем пораженчество, что бюрократический централизм и личный абсолютизм Сталина обессиливают и обезоруживают страну в годину военного испытания? В таком случае не навязывается ли им, русским социалистам, — в интересах защиты России и в высших интересах мирового социализма и демократии — позиция **условного оборончества**?

Авторы тезисов — к ним ведь руку приложил и т. Дан — понимают как будто сложность положения и трудность требовать при настоящих условиях энтузиазма от рабочих и отказа от политической борьбы на время войны от социалистов. Они учитывают даже опасность бонапартистского финала в случае, если военное счастье, несмотря на внутреннюю слабость СССР, улыбнется Сталину. И однако, они не идут дальше требования амнистии для социалистов и коммунистов и «развязывания свободной организованной самодеятельности народных масс». Для Бауэра и Жиромского и это уже много, не спорю. Но для Дана, лидера российской социалдемократии? Или и его устраивает политически нечленораздельная речь его друзей? Или и его устраивает умолчание о конкретных политических требованиях и о тех необходимых изменениях в экономической, в частности колхозной политике диктатуры, которые единственно могли бы примирить крестьянство с властью и тем усилить, вернее впервые создать, предпосылки обороноспособности страны?

П. Гарви.

Г. Н. БРАЙЛЬСФОРД (Англия).

В письме к авторам «тезисов», напечатанных в номере 14/15 «Соц. Вестника», известный английский социалист, Г. Н. Брайльсфорд пишет:

Хотя я и согласен с общим ходом мыслей этого превосходного меморандума, подписать его я все-же не могу:

1. потому что он призывает к поддержке Лиги Наций и региональных пактов, хотя сам-же с отрядною прямою обрисовывает их подлинный характер;

2. потому что он не ставит вопроса о других способах предотвращения войны с Гитлеровской Германией, кроме противопоставления ей превосходящей ее силы. Я же думаю, что с надлежащей осторожностью и при вполне отчетливом понимании агрессивных намерений Гитлера, следовало бы поставить вопрос о возможности пересмотра положения, созданного в 1919 году в итоге войны.

Я убежден, что и теперь, и на будущее время социалистические партии должны сохранять полную независимость суждений и полную свободу действий по отношению к внешней политике капиталистических правительств и в том случае, когда эти правительства прикрываются Лигой Наций и ее системой пактов.

ЛЕОН БЛЮМ (Франция).

Леон Блюм посвятил «тезисам» две статьи в «Попюлер» от 13 и 14 августа.

Блюм пишет, что до сих пор Социалистический Интернационал, сосредоточивавший свои усилия на борьбе за предотвращение войны, совершенно не останавливался на вопросе о том, что-же делать, если война все-же вспыхнет. Так поступала и французская партия, исходя из того соображения, что, «допуская мысль о возможности войны, тем самым сам создаешь один из элементов этой возможности». Но Блюм соглашается, что объективное положение становится столь грозным, что уклоняться и теперь от обсуждения поднятого авторами тезисов вопроса было бы равносильно «слепоте или отречению». И потому он признает, что, «поставив Интернационал лицом к лицу» с этим вопросом, авторы тезисов «оказали Интернационалу громадную услугу».

Блюм согласен с авторами и с Ф. Адлером и в том, что на случай войны «для рабочего класса возможна лишь одна позиция... — позиция безоговорочного и мужественного интернационализма», и что для этого «Интернационал должен наметить обязательные и простые правила поведения, способные указать долг пролетариату всякой страны, которая будет вовлечена в войну». Но, так как невозможно ни формулировать заранее правила, применимые ко **всякой** войне и ко **всякой** ситуации, ни заранее предусмотреть **все** возможные случаи войн и все ситуации, то Блюм думает, что правила эти могут быть сформулированы «лишь в самый момент вспышки войны, по горячим следам, когда известны все особенности положения».

На основании этого Блюм приходит к заключению, что все, что возможно сделать сейчас для обеспечения «интернационализма» социалистической политики во время войны, заключается в следующем:

«Разрешения проблемы можно искать лишь в консолидации Интернационала, в укреплении его внутренней сплоченности и его авторитета для составляющих его секций, в признании этими секциями его суверенитета. Да и к чему было бы вырабатывать правила, прибавляет Блюм, если бы в последнюю минуту Интернационал не оказался достаточно сильным и способным обеспечить дисциплину, необходимую для приведения этих правил в исполнение...»

«ЮМАНИТЭ» (Париж).

В «Юманитэ» от 27 августа Жан Брюа посвящает «тезисам» большой фельетон. Приведя обширные цитаты, дающие представление об общем ходе мыслей авторов тезисов, Брюа говорит:

«Социалистические теоретики (и не из последних) утверждают необходимость для мирового пролетариата защищать СССР, и во многих пунктах их точка зрения сходится с той установкой Коминтерна, которую только что наметил 7-ой конгресс. Однако, в интересах самой борьбы против войны мы не можем не сделать существенных оговорок».

Оговорки эти касаются тех пунктов тезисов, в которых говорится о необходимости демократизации советской системы, о характере большевистской диктатуры, о национальном вопросе в СССР, об амнистии и т. д., а также о тех опасностях для пролетарского и революционного характера предвоенной и военной политики Советского Союза, которые вытекают из союзных отношений советского правительства с правительствами капиталистических держав.

Свою статью Брюа кончает:

«Работа авторов тезисов, к заключениям которых присоединяется и Ф. Адлер, имеет большое значение. Отныне доказано, что в борьбе против войны и фашизма возможно единство действий между Коминтерном и РСИ. И так как совместная борьба возможна, то мы сожалеем, что в своей брошюре об «Интернационале и войне» наши товарищи-социалисты не подчеркнули, что такая борьба необходима и должна быть срочно осуществлена».

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**